

доход с определенного хозяйственного комплекса; в XIV в. прония превращается в полную собственность⁸³.

Подобно Константинеску и Острогорскому, Дэльгер, как мы видим, выступил с критикой теории Цахариз; но если Константинеску и Острогорский признавали, что в Византии VII столетия — в силу тех или иных причин — упрочились позиции свободного крестьянства, то Дэльгер считал такой переворот невозможным. Начиная свою книгу о византийской податной системе указанием на необходимость отвергнуть «басню о византийском консерватизме»⁸⁴, Дэльгер, однако, в том, что касалось аграрной истории, примирился с этой «басней» и полагал, что византийские поземельные отношения лишь повторяют позднеримские.

В отношении фискальной теории этот ученый оказался более сдержанным, чем Острогорский: несмотря на весь свой сарказм по поводу «родовых связей», Дэльгер признает за сельской общиной не только податную, но и хозяйственную общность⁸⁵.

Что касается проблемы византийского феодализма, то в эту пору Дэльгер затронул ее лишь мимоходом, в краткой заметке по поводу английского перевода статьи Васильева «Вопрос о феодализме в Византии». Дэльгер высказался против концепции Васильева, согласно которой византийский феодализм сложился самостоятельно; если в основе западного феодализма, полагал Дэльгер, лежит принцип вассалитета, то источником византийских квазифеодальных отношений служило императорское дарение, восходящее к позднеримскому *beneficium*. Только под влиянием западного феодализма в Византии с XI (а особенно с XII) в. происходит полная перестройка (*die völlige Umgestaltung*) соответствующих государственно-правовых норм⁸⁶. Как и Йорга, Дэльгер придавал большое значение употреблению термина *λίξιος* («вассал») в документах, регламентирующих отношения Византии с итальянскими городами и с крепостносцами⁸⁷.

Работы Острогорского и Дэльгера, посвященные «Трактату об обложении», привлекли к этому памятнику внимание виднейших тогдашних византинистов, в том числе Э. Штейна и Андреадиса. Штейн занимался по преимуществу историей византийской администрации, но проявлял известный интерес и к социальной истории. Еще в 1923 г. он выпустил небольшую работу, где предложил периодизацию византийской истории. Если в VII в., по его мнению, победила военно-крестьянская демократия (*militärbäuerliche Demokratie*), то XI столетие представляется ему периодом борьбы государства, опирающегося на клир и демократические массы столицы, против феодальных сил. В этой борьбе византийское правительство проводило отчетливо выраженную антимилиитаристскую политику⁸⁸. С конца XI в. крупная собственность торжествует: крестьяне, страдающие от податного гнета, не оказывали сопротивления динамам и превращались в зависимое население⁸⁹.

⁸³ F. Dölger. *Byzanz und die europäische Staatenwelt*, S. 227 f.

⁸⁴ *I d e m.* *Beiträge...*, S. 9.

⁸⁵ Любопытно, что он признавал хозяйственное единство также и населенной париками деревни (*ibid.*, S. 67, A. 2).

⁸⁶ F. Dölger. *BZ*, 34, 1934, S. 208 f. Ср. указанную выше (стр. 132, прим. 26) заметку о статье Герланда, а также заметку о статье А. В. Соловьева (*F. Dölger. BZ*, 32, 1932, S. 444).

⁸⁷ F. Dölger. *BZ*, 33, 1933, S. 447.

⁸⁸ E. Stein. *Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte»*, Bd. II, H. 1—2, 1923, S. 2 f.

⁸⁹ *Ibid.*, S. 8.